

— Брат... не уходи...

— Сунь Цзинь, как же ты противен.

— Брат... брат...

— Я трахаю собственного брата, ты понимаешь? Понимаешь ведь?

— Брат мой...

— Брат, разве это не лучший подарок на моё совершеннолетие?

...

Детский лепет и низкий голос юноши, четырёхлетний Сунь Синлань и восемнадцатилетний Сунь Синлань — эти крайности сменяли друг друга в сновидениях, пока в конце концов не стало невозможно отличить правду от вымысла.

Сунь Цзинь открыл глаза. Его одеревеневшее тело и ноющая боль, которую он чувствовал, даже не шевелясь, жестоко напоминали: всё это было на самом деле.

И прошлое, и нынешняя реальность — всё правда.

Сунь Цзинь лежал на кровати совершенно нагой, покрытый синяками, а на его запястьях алели глубокие следы от оков.

На другом конце комнаты, под наклонным мансардным окном, Сунь Синлань, обнажённый по пояс, слегка запрокинув голову, смотрел в небо и курил.

Сунь Цзинь думал, что прошлой ночью Сунь Синлань был пьян и его насилие — лишь минутный порыв, но он никак не ожидал, что тот до сих пор стоит здесь, невозмутимо покуривая, вместо того чтобы уйти сразу после содеянного.

Он безумствовал с пугающей осознанностью.

Сунь Цзинь натянул на себя край скомканного одеяла и закрыл глаза, пытаясь хотя бы на мгновение сбежать от всего происходящего.

Он действительно хотел убить Сунь Синланя, но знал, что не сможет.

В этом мире полно нелепых событий, которым нет объяснения, и безумных поступков, которые невозможно понять. Но когда всё это сплелось воедино, а Сунь Синлань, главный виновник, стоял перед ним, у Сунь Цзиня не возникло даже мысли о мести.

Потому что он слишком хорошо понимал: по сравнению с Сунь Синланем у него нет никаких шансов.

Послышались шаги, кровать прогнулась под весом — это Сунь Синлань оперся рукой на край.

Он посмотрел сверху вниз на Сунь Цзиня и спросил:

— Сколько ещё ты собираешься притворяться?

Сунь Цзинь не открыл глаз и никак не отреагировал. Он был настолько измождён, что едва мог поддерживать дыхание, и больше ничего не хотел делать.

Однако запах табака и тепло тела, которое он чувствовал, становились всё более гнетущими. Сунь Цзинь открыл глаза — губы Сунь Синланя были в сантиметре от его собственных.

Сунь Синлань усмехнулся:

— Перестал притворяться?

Сунь Цзинь поднял руку и схватил его за горло. Его пальцы дрожали, но не от силы, а от страха.

Ведь выражение лица Сунь Синланя не изменилось, он лишь продолжал смотреть на него свысока.

— Убирайся, — Сунь Цзинь опустил руку, его голос охрип. — Убирайся вон.

Сунь Синлань ответил невпопад:

— Уже восемь. У тебя сегодня нет пар?

— Убирайся, — повторил Сунь Цзинь, снова закрыв глаза.

Горячая ладонь легла на плечо и скользнула вниз по ключице, словно ядовитая змея. Страх поглотил всё тепло, оставив лишь ледяную дрожь.

Сунь Цзинь задрожал, но не стал открывать глаза:

— Сунь Синлань...

Тонкое одеяло отбросили в сторону. Кончики пальцев Сунь Синланя коснулись живота Сунь Цзиня, скользнули между ног и надавили на вход, заставляя остатки семени вытечь наружу. Сунь Цзинь слышал липкий звук, а следом пришла острая, пульсирующая боль.

— Я прошу тебя, — лицо Сунь Цзиня было бледным, грудь тяжело вздымалась. — Хватит.

Сунь Синлань перевернул его, вытер остатки семени со своих рук о белые, покрытые отпечатками пальцев ягодицы Сунь Цзиня и холодно произнёс:

— Если не пойдёшь на занятия, продолжим.

— Я пойду, — Сунь Цзинь с трудом приподнялся на локтях, опустив голову, чтобы не видеть лица Сунь Синланя, и устался в заплаканную подушку. — Уходи.

— Отпросись, — отрезал Сунь Синлань.

Затем он нажал на затылок Сунь Цзиня, навалился всем весом, вторгаясь в него, и начал двигаться, используя остатки смазки.

— Сунь Синлань...! — Сунь Цзинь, прижатый лицом к подушке, срывался на хрип. — Ты, мать твою, псих! Убирайся!

Сунь Цзинь думал, что его глаза слишком сухи, чтобы плакать, но сейчас они мгновенно покраснели, и слёзы градом покатались по лицу. Каждая часть его тела болела, он был полностью подавлен, не в силах ни встать, ни сбежать. Самоуважение и стыд были растоптаны, мир перевернулся с ног на голову.

Пока Сунь Синлань быстро и яростно совершал свои толчки, он схватил телефон с тумбочки и, перехватив руку Сунь Цзиня, приложил палец к сканеру, чтобы разблокировать экран.

Он открыл список контактов. Сунь Цзинь аккуратно подписал каждого, и Сунь Синлань быстро нашёл преподавателя профильной дисциплины. Ему было плевать, какая именно пара должна быть у Сунь Цзиня, он просто нажал на вызов.

Он бросил телефон перед лицом Сунь Цзиня:

— Отпрашивайся у преподавателя.

Сквозь пелену слёз Сунь Цзинь увидел имя на экране, его сердце бешено заколотилось. Он в безумии попытался нажать кнопку сброса, но Сунь Синлань перехватил его правую руку, прижал её к пояснице и ударил ещё глубже.

— У-у... — Сунь Цзинь, содрогаясь от толчков, вцепился в подушку и закричал сквозь слёзы: — Не надо...

Сунь Синлань наклонился к нему, его голос прозвучал пугающе нежно:

— Тсс... если ты сейчас начнёшь стонать, это уже будут не мои проблемы.

— Алло? — раздался в трубке голос преподавателя. — Сунь Цзинь, что случилось?

Сунь Цзинь затаил дыхание, но Сунь Синлань обнял его за талию и с жестокой силой вошёл до конца. От бешеного сердцебиения, смешанного с острой болью и наслаждением, что терзали его тело, Сунь Цзинь чуть не прокусил губы до крови.

— Сунь Цзинь? — преподаватель, не дождавшись ответа, снова позвал его.

Сунь Цзинь понял, что молчать больше нельзя. Он судорожно вздохнул, стараясь подавить любые подозрительные звуки, и постарался говорить как можно ровнее:

— Преподаватель... я хочу попросить отгул.

— Что случилось? Заболел? — спросил тот.

Сунь Синлань вдруг опустил руку вниз, коснувшись паха Сунь Цзиня, и прошептал ему на ухо:

— Брат, ты сейчас кончишь.

В следующую секунду по телу прошла волна электризующего наслаждения, Сунь Цзинь мгновенно покрылся потом, а перед глазами всё поплыло. Он изо всех сил впился зубами в подушку, пытаясь сдержать стоны и рыдания.

— Немного... простудился, — он терпел до такой степени, что сердце едва не разрывалось, и в конце концов по-настоящему закашлялся. — Я в больнице.

— Понятно, а то я слышу, у тебя там какой-то шум, — сказал преподаватель. — Ладно, отдыхай. Потом просто принесёшь справку. Раз у нас скоро пара, я кладу трубку, выздоравливай.

— Хорошо... — Сунь Цзинь плакал. — До свидания.

Звонок прервался. Сунь Цзинь разрыдался, сердцебиение и стыд заполнили его мысли, реальность медленно стирала его волю, поглощая всё.

— Псих... — плакал он, закрыв глаза. — Псих...

— Если я псих, то ты нормальный? — Сунь Синлань стёр слёзы с лица Сунь Цзиня кончиками пальцев и небрежно растер влагу, пока она не высохла. — Сунь Цзинь, посмотри на себя, как громко ты стонешь под собственным родным братом. Разве ты не псих?

Словесное унижение порой ранит сильнее, чем физическая боль. Отчаяние разливалось повсюду. В полузабытье Сунь Цзинь подумал: может, в генах семьи Сунь действительно заложено нечто ненормальное? И по отцовской линии, и по материнской.

Сунь Сянпин, вечно изменявший в молодости; мать, принявшая крайние меры; безумный, искажённый Сунь Синлань; и он сам — трусливый и уродливый.

Если бы он не был гомосексуалом, стал бы Сунь Синлань унижать и мучить его таким образом?

Сунь Цзинь не выходил из дома два дня.

Сунь Синлань был словно зверь в период гона: он бесконечно требовал и изливал свою похоть на тело Сунь Цзиня. Он прижал Сунь Цзиня к зеркалу в ванной, затуманенному паром, и заставил смотреть на своё отражение, с нездоровой настойчивостью спрашивая:

— Сунь Цзинь, ты болен? Я не использовал презерватив, не смей меня заразить.

Сунь Цзинь был настолько раздавлен, что у него не было сил даже спросить, кто на самом деле кого заражает. Впрочем, это уже не имело значения. С того момента, как Сунь Синлань впервые насильно вошёл в него, всё было кончено. Нельзя рассчитывать на логику, разговаривая с безумцем.

— Да, я болен, — Сунь Цзинь закрыл глаза и, когда его прижали к зеркалу, пробормотал: — Сунь Синлань, ты скоро умрёшь.

— Правда? — Сунь Синлань усмехнулся, тяжело дыша. — Тогда умрёшь вместе со мной.

Сунь Синлань ушёл, только потому что позвонил Сунь Сянпин: он отсутствовал в школе уже два дня.

В тот момент Сунь Синлань только что закончил, находясь внутри Сунь Цзиня. Он посмотрел на заплаканного, покрытого пятнами Сунь Цзиня и ответил на двенадцатый звонок Сунь Сянпина.

— Сунь Синлань, знай меру в своих безумствах! — рявкнул Сунь Сянпин на том конце провода. — Ты в выпускном классе, исчезаешь на два дня, ты что, совсем учиться бросил?!

— Учусь, — Сунь Синлань одной рукой держал телефон, а другой потирал покрасневший сосок Сунь Цзиня. Увидев, как тот закусил губу, а его кадык дёрнулся, он с довольной усмешкой добавил: — Скоро вернусь.

Такая неожиданная покладистость сбила Сунь Сянпина с толку. На том конце провода воцарилась тишина, а затем Сунь Сянпин сказал:

— Тогда немедленно возвращайся в школу.

— Понял, — Сунь Синлань помедлил и вдруг спросил: — Хочешь поговорить с Сунь Цзином?

Сунь Цзинь резко открыл глаза. Его зрачки налились кровью, он в упор смотрел на брата.

— Ты с Сунь Цзином? — удивился Сунь Сянпин. — Он рядом с тобой?

— Шучу, — Сунь Синлань, не отрывая взгляда от Сунь Цзиня, сухо ответил: — Пока.

Сунь Синлань отбросил телефон в сторону, опираясь на Сунь Цзиня:

— Чувствуешь облегчение?

Сунь Цзинь отвернулся, глядя в мансардное окно.

Сунь Синлань смотрел на покрасневшие уголки его глаз, полные обиженных и унижительных слёз. Всё его лицо выражало такое смирение и такую жалость, словно человек достиг предела отчаяния.

Словно раздавленный цветок — жалкий и надломленный.

Если бы Сунь Цзинь мог посмотреть на себя со стороны так, как сейчас смотрел Сунь Синлань, возможно, он бы понял, каково это — желать уничтожить человека до основания.

Но он вряд ли смог бы разделить эти чувства, ведь он не такой, как Сунь Синлань. Он не настолько безумен.

Сунь Синлань вывел свой член из тела брата, оставив за собой след из липкой жидкости. Он небрежно привёл себя в порядок, натянул футболку, взял телефон и, открыв дверь, вышел.

Лишь когда хлопнула входная дверь, тело Сунь Цзиня механически содрогнулось.

Эти два дня казались бесконечными — словно он побывал в аду. Это перевернуло всё его здравомыслие и всю его жизнь, и у него уже не было сил размышлять дальше.

Он медленно сел. Увидел на своём теле тёмные следы от пальцев, пятна на простынях, и почувствовал, как после каждого движения из него продолжает что-то вытекать.

И всё это — от его родного брата.

Зазвонил телефон. Сунь Цзинь медленно протянул руку, посмотрел на имя на экране и ответил:

— Алло? У тебя ведь обычно нет пар завтра днём, придёшь в мастерскую? Или у тебя съёмки?

— Можно послезавтра? — спросил Сунь Цзинь.

— Что с твоим голосом? — спросил Хэ Хао.

— Немного простудился, — Сунь Цзинь медленно моргнул сухими глазами. — Всё в порядке.

— Ладно, тогда жду тебя послезавтра.

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/22345/2341092>